

Когда кандидатка Чжэн пришла в себя, случившееся всё ещё казалось ей невероятным. Она коснулась пальцами лица, взглянула на залитое ярким солнечным светом окно, силясь убедить себя, что пережитый ночной кошмар рассеялся без следа вместе с утренней дымкой.

Но это было не так.

С самого детства Чжэн Цяо обладала редким даром — феноменальной памятью. Не будь у неё этой способности, она давно бы погорела на своих бесчисленных интрижках с «названными братцами». Девушка до мельчайших подробностей помнила предпочтения каждого из них: обстоятельства знакомства, темы разговоров и те особые, доверительные моменты, что их связывали. Стоило ей мимоходом обронить пару слов, как у собеседника тут же возникало приятное ощущение, будто она только о нём и думает, бережно храня в сердце каждую деталь их общения.

Ни один мужчина не мог устоять перед подобным вниманием. Каждый из её обожателей искренне верил, что именно он — тот самый, единственный и неповторимый.

И даже если кто-то замечал её кокетство с другими, то списывал всё на досадную необходимость или деликатные обстоятельства, ни на миг не сомневаясь в её верности.

Видит небо, растрчивать столь выдающийся талант на любовные игры было сродни стрельбе из пушек по воробьям. С другой стороны, это выглядело тонкой, злой насмешкой над царившими в Великой Ци нравами, где всё сильнее укоренялось ханжеское убеждение, будто истинная добродетель женщины кроется в её глупости.

Так или иначе, в своей памяти Чжэн Цяо не сомневалась: ночные кошмары не были плодом её воображения. Всё случилось наяву. У этой жуткой Цзи Сысюэ над головой клубился серый туман, способный нападать на людей. Чжэн Цяо отчётливо слышала, как соперница приказывала этой твари убить её или хотя бы изуродовать до неузнаваемости.

Так она и знала! Чем невзрачнее девка, тем коварнее её козни. Цзи Сысюэ уже давно исходила бешеной завистью к её красоте. Паршивая дрянь!

Ещё бы немного, и Чжэн Цяо действительно бы погибла.

Но эта тварь умела искусно притворяться: стоило ей залить слезами лицо, как наказание её миновало. Никто не поверил, что она намеренно натравила нечисть на соперницу. Напротив, мерзавку выставили невинной жертвой.

Кандидатка Чжэн лишь презрительно усмехнулась, даже не пытаясь устроить скандал. Она прекрасно понимала: доказать вину Цзи Сысюэ сейчас невозможно. Ведь если та действительно повелевала злым духом, зачем ей было раскрывать себя перед мастерами из Дирекции императорских храмов и умолять об изгнании беса? Если же её разум помутился под чужим влиянием, то и обвинить её в умышленном покушении не получится. Получался

замкнутый круг.

Однако искушённая в интригах Чжэн Цяо безошибочно разгадала истинный замысел соперницы. Да, Цзи Сысюэ действительно хотела избавиться от духа, но до этого они явно действовали заодно. Мерзавка решила убить двух зайцев одним ударом: похоронить опасную тайну и заодно устранить главную конкурентку на выборах.

К счастью, судьба пощадила её. Когда даосы и евнухи из Дирекции императорских храмов умиряли бушующую нечисть золотым сиянием, про несчастную пленницу не забыли. Её спас лично господин Чи, генеральный управляющий евнух! И пускай в те мгновения перед её глазами всё плыло от ужаса и боли, она отчётливо запомнила окутавший её прохладный, ни на что не похожий аромат. Этот запах принадлежал только господину Чи.

Нет сомнений, именно его вмешательство вырвало её из лап смерти.

То было странное, почти неосоздаемое чувство: неведомая сила коснулась самой её души, мгновенно уняв дрожь и прогнав липкий страх.

Единственное, что её смущало: похоже, сам господин Чи не до конца контролировал этот бурный поток. Властная, неодолимая мощь не просто окутала её, но заполнила все покои, а затем стремительно хлынула наружу, за пределы стен.

Надеяться оставалось лишь на то, что с господином Чи всё в порядке.

Добиться аудиенции у генерального управляющего простая кандидатка не могла, однако никто не мешал ей осторожно наводить справки.

Чи Нин, разумеется, пребывал в полном здравии — ведь спасителем на самом деле был Господин Юань. Но стоило признать: чутьё у кандидатки Чжэн было поразительным. Юань действительно не ограничился спасением её жизни и попутно провернул кое-что ещё.

В этот час Чи Нин нежился в постели, наотрез отказываясь подниматься. Прикрыв глаза под предлогом мысленной беседы с Юанем, он надеялся выкроить ещё часок для сна.

«Этот Дух нефритовой шпильки накопил достаточно сил, чтобы полностью поглотить чужую душу. Даосы из Дирекции императорских храмов слишком бестолковы — без моего вмешательства они бы с ней не сладили»

Так Юань неторопливо описывал события минувшей ночи, суть которых была недоступна пониманию простых смертных. То, что другим казалось смертельной опасностью и чудом, для древнего божества было лишь мимолётной забавой.

«И то верно, разве может кто-то сравниться с вашим величием?» — мысленно поддакнул Чи

Нин. В тонкостях божественной магии он не смыслил, но упустить случай для лести не мог.

«Определённо»

Юань и сам не понимал, откуда в нём взялось это странное желание хвастать своим могуществом. Он не стал бы делать этого ни перед кем другим, но Чи Нин был исключением.

«Ты говорил, что для нового императора нужно подготовить как можно более пёстрое собрание в гареме, поэтому я сохранил жизнь кандидатке Чжэн. А чтобы у тебя было надёжное средство против Цзи Сысюэ, я перенёс одержимость из шпильки в тело человека, который только что испустил дух неподалёку от столицы»

Где именно очнулось это существо, божество умалчивало. Слишком велика была его сила, чтобы размениваться на точные расчёты. Да и Чи Нину знать о таких мелочах ни к чему.

Обладая столь неистовой яростью, Дух нефритовой шпильки костями ляжет, но найдёт способ отомстить Цзи Сысюэ. Даже если бы её низвергли в пучины подземного судилища, она всё равно приползла бы обратно.

Как ни сильна была одержимость, тягаться с Господином Юанем она не могла и даже не заметила его незримого присутствия. Теперь её помутившийся разум выстроит простую логическую цепочку: Цзи Сысюэ пыталась её руками убрать соперницу, а затем предать уничтожению с помощью храмовых магов. Но она выжила и, более того, обрела плоть.

«О, как поразительно...» — сонно пробормотал Чи Нин.

Он едва ворочал языком от усталости, но когда до его сонного разума наконец дошёл весь масштаб содеянного божеством, он рывком сел на постели, широко распахнув глаза:

«Вы вернули мертвеца к жизни?!»

«Всего лишь поделился крупицей силы» — в мысленном тоне Юаня сквозило отчётливое: «Ну же, хвали меня дальше».

Изначально Дух нефритовой шпильки мог соединиться только с Цзи Сысюэ, чей облик она кропотливо меняла под свой в течение долгих лет. Но Юань без труда перенёс эту одержимость в любое другое тело. С точки зрения смертных это действительно походило на возвращение души в чужую плоть.

Хотя сходство было чисто внешним. Дух нефритовой шпильки оставался лишь сгустком слепой воли — сколько бы она ни притворялась живой и разумной, человечности в ней не прибавилось.

Настроение Чи Нина мгновенно взлетело до небес. Жизнь снова казалась прекрасной, и сладкие речи полились из него рекой:

«В моих глазах вы — самое прекрасное и могущественное древо под небесами! Ваше сияние затмевает солнце и луну! Взгляните только на этот крепкий, величественный ствол, на этот благородный чёрный блеск... А какова текстура древесины на ощупь!»

В искусстве восхваления богов молодой евнух определённо превзошёл сам себя.

В этот день у Чи Нина не намечалось никаких срочных дел, и он рассчитывал провести утро в праздности, укрывшись в своём кабинете. Увы, незадолго до полудня этот покой был бесцеремонно нарушен появлением его старшего соученика, Цзян Чжиуэя.

Цзян Чжиуэй ворвался ураганом и, не тратя времени на приветствия, плюхнулся на стул, первым делом налив себе пиалу чая. У Чи Нина всегда водились редкие лакомства. К примеру, этот свежий весенний сбор, хоть и не числился среди императорской дани, по аромату превосходил всё, что подавали во дворце. Старший соученик осушил чашу одним махом, словно жаждущий вол, и довольно зажмурился от удовольствия.

— Ну что, слышал уже? — спросил он, утирая губы рукавом.

— И о чём же я должен был прослышать? — лениво отозвался Чи Нин, принимаясь за утреннюю трапезу. Ему всё же удалось подремать часок перед умыванием, и он как раз собирался провести день в приятном безделье, когда соученик безжалостно перевёл его драгоценный чай. — Опять во что-то вляпался?

— Скажешь тоже! — фыркнул Цзян Чжиуэй, бесцеремонно кивая слуге Куцаю, чтобы тот принёс ему такую же миску каши, как у хозяина. Голоден он не был, но устоять перед стряпнёй в доме младшего не мог — Чи Нин толк в удовольствиях знал. — Я ведь ведаю, что против тебя сейчас плетут заговоры. Помочь ничем не могу, так хоть под ногами путаться не стану. Мы ведь с тобой как родные братья, одна плоть и кровь!

— Премного благодарен за заботу, — хмыкнул Чи Нин, поражаясь способности соученика преподносить собственную бесполезность с такой гордостью.

Но вернёмся к делу.

Не успел ещё разгореться пожар в гареме нового государя, как полыхнуло в самом совете министров. При дворе поднялся такой шум, что чиновники до сих пор не могли разойтись. Спорили все: сановники с императором, советники друг с другом, а некоторые и вовсе притворялись беспристрастными судьями, исподтишка раздувая пламя раздора.

Лишь благодаря обширным связям Цзян Чжиуэя эти вести дошли до них так быстро. Даже

названный сын Чи Нина, Ся Ся, служивший в Восточном притворе, не сумел бы добыть столь свежие сведения из первых рук в столь ранний час.

Стоило Чи Нину прослышать о неприятностях государя, как остатки сна мгновенно улетучились.

— Ну же, выкладывай, что стряслось?

Источником раздора послужил доклад одного мелкого столичного чинуши. Тот дерзнул обратиться к Его Величеству с нижайшей просьбой: провозгласить покойную наложницу Чэнь вдовствующей императрицей, а прах её перенести из усыпальницы наложниц в императорскую гробницу, дабы она вовек покоилась подле усопшего владыки.

Наложница Чэнь приходилась новому императору родной матерью. Пожалуй, главным достижением всей её жизни было рождение сына для покойного императора Су. В те годы, когда госпожа Юцинъ и благородная супруга вели ожесточённую войну за власть, несчастная женщина пожертвовала собой, чтобы вырвать у судьбы шанс на спасение для своего маленького сына Вэнь Кэ. При жизни её ранг был ничтожно мал, и лишь после кончины её удостоили скромного повышения, а затем, когда её сын получил собственный удел, повысили вновь, позволив упокоиться в гробнице наложниц.

Скромная женщина, не искавшая при жизни ни славы, ни почестей, вряд ли могла помыслить, что спустя полтора десятка лет после смерти окажется в самом центре придворной бури.

Сын её взошёл на престол, и почтить память матери казалось делом вполне естественным. Но была одна загвоздка: вдовствующая императрица Юцинъ, законная супруга покойного государя, пребывала в полном здравии.

Если рассуждать по-простому, негоже возвышать безродную наложницу в обход живой законной жены.

Нынешний правитель славился своей набожностью и сыновьей почтительностью. Трудно сказать, насколько искренне он чтит усопшего отца, но память о матери, отдавшей жизнь ради его спасения, была для него священна. Впрочем, Вэнь Кэ прекрасно понимал: даже будучи сыном Неба, он не может творить всё, что заблагорассудится.

По крайней мере, не сейчас.

— Стоило новому императору взойти на престол, как он тут же отступил от обычаев и не стал осыпать милостями родню по материнской линии. Уж поверь, его замысел шит белыми нитками, — заметил Чи Нин, отодвигая пустую миску и принимаясь лузгать семечки.

Цзян Чжиуэй, знавший за собой слабость к сложным интригам, лишь растерянно моргнул.

— Кому как, а мне вот ничего не понятно. Почему он обделил родных? — спросил он полушёпотом, опасаясь лишних ушей.

Чи Нин, напротив, нисколько не таился. Под защитой Господина Юаня ему были не страшны ни коварные призраки, ни гнев земных владык. Лениво пощёлкивая семечками, он хмыкнул:

— Да потому что он выжидает! Либо пока старая императрица отойдёт в мир иной, либо пока сам прочно не укрепится на троне так, чтобы никто пикнуть не смел. Вот тогда-то он и осыплет свой род милостями в полную силу.

Проще говоря, хвалёное благочестие государя граничило с изрядной долей лукавства. Он прекрасно понимал, что не имеет права возводить усопшую мать в сан императрицы, но смириться с этим не желал и исподвись готовил почву.

Точно так же, как в своё время он, презрев приличия, отобрал трон у собственного племянника.

Благие намерения редко уживались в нём с реальными делами.

— Тьфу, лицемер несчастный! — сплюнул на пол шелуху Цзян Чжиуэй.

— Ну, тут всё тоньше, — возразил Чи Нин. Государь прикладывал немало усилий, дабы обуздать собственные амбиции, но искушение власти порой оказывалось сильнее обычного человека. — Как бы то ни было, этот доклад в один миг разрушил хрупкое перемирие, царившее при дворе.

— Неужто государь потерял терпение и тайно приказал подать это прошение, чтобы согласиться якобы против воли? — предположил соученик, рассуждая со свойственной ему простотой.

— Я же говорю, его власть ещё слишком слаба для подобных игр, — Чи Нин с досадой шлёпнул старшего по лбу. — Будь это его рук дело, скандал бы не разгорелся с такой силой.

Большинство высокопоставленных чиновников костью в горле встанут, но не допустят возведения наложницы Чэнь в ранг императрицы.

Ведь сановники и сами понимали: дабы не допустить регентства вдовствующей императрицы, они поспешили возвести Вэнь Кэ на престол, совершив предательство по отношению к покойному императору Тяньхэ.

И единственным способом загладить вину для них было признание старшего принца Вэнь Чэня наследником престола, а также...

Ревностная защита прав законной супруги усопшего государя.

Теперь император оказался меж двух огней. Отклонить прошение означало навсегда лишиться предлога для возвеличивания матери в будущем. Одобрить же его вопреки воле двора — значит растоптать законы приличия. Тот образ мудрого и справедливого правителя, который он так бережно выстраивал, грозил рассыпаться в прах.

— Выходит, это прошение подали не в помощь государю, а дабы вырыть ему яму? — спросил Цзян Чжиуэй, прилежно очищая семечки от шелухи и складывая ядрышки в пиалу, чтобы съесть всё разом.

Чи Нин лужгал семечки по одной, напоминая довольного хомяка:

— Не обязательно. Быть может, какой-то глупец просто решил выслужиться, да только вместо монаршей милости наступил тигру на хвост. Одно несомненно: доклад, который надлежало тихо похоронить в архивах, всплыл на совете и вызвал бурю лишь потому, что кто-то намеренно раздувает этот пожар.

— И кто же этот доброжелатель? — Цзян Чжиуэй принялся загибать пальцы, перечисляя недоброжелателей государя. — Вдовствующая императрица, сиятельный князь Цзин... Да нас с тобой тоже можно в этот список записать.

— Мы-то тут точно ни при чём, — фыркнул Чи Нин. Уж свои-то планы он знал досконально, а у соученика для столь тонких интриг попросту не хватило бы соображения.

Но кто стоял за этой проделкой на самом деле, Чи Нин пока не понимал. У вдовствующей императрицы хватало могущества, но сейчас все её помыслы были заняты возведением принца Вэнь Чэня на престол наследника — ссориться с императором по пустякам ей не выгодно. Сиятельный князь Цзин и без того мозолил глаза государю, и устраивать мелкие пакости ради сомнительного триумфа ему тоже не пристало.

Круг подозреваемых сужался и расширялся одновременно: мотив был у каждого, но ни один не подходил на роль устроителя этой каверзы.

Дело принимало крайне занятный оборот.

В последнее время Чи Нин с головой ушёл в подготовку кандидаток к гаремным битвам, почти позабыв, что его истинное поле боя — это императорский двор. Запах грядущей политической схватки наполнил его сердце приятным возбуждением.

— Стало быть, и у тебя нет разгадки? — поддевал его соученик. — Эх, дружище, видать, в Цзянцзо ты совсем обленился на покое, голова-то и притупилась.

За свой длинный язык Цзян Чжиуэй поплатился незамедлительно.

С молниеносной быстротой, недоступной обычному человеку, Чи Нин запустил пальцы в пиалу, которую его соученик бережно прижимал к груди, сгрёб добрую половину очищенных семечек и отправил их в рот прямо на глазах у ошеломлённого соседа.

— Сам ты старый пень! И вся твоя родня — рухлядь! — прошамкал он с набитым ртом.

— Но позволь, в мою роднюходишь и ты, и Сяньсянь! — Цзян Чжиуэй даже опешил от такой детской обиды.

Чи Нин промолчал, продолжая усердно работать челюстями. Набив щёки, он стал ещё больше похож на упрямого грызуна, не желающего делиться добычей. Насилу проглотив лакомство, он хмыкнул:

— К чему мне ломать голову над именем кукловода? Главное — я знаю, как обернуть эту затею в свою пользу.

— Что ты опять задумал? — Цзян Чжиуэй затеял этот разговор лишь ради того, чтобы удержать младшего от безрассудных шагов. — Что бы ты ни затеял, я всегда на твоей стороне, но молю: не горячись, как прежде.

— Знаю я, всё знаю, — досадливо отмахнулся Чи Нин. — Обо всём позабочусь.

И «позаботился». Господин Линь немедленно отправил весточку своему названому сыну Су Лу, преподававшему в Императорской школе евнухов, с поручением тайно навестить родню покойной наложницы Чэнь и раскрыть им глаза на происходящее.

Хоть сама наложница Чэнь давно почила, её престарелые родители и младший брат пребывали в полном здравии.

В прошлом это семейство промышляло мясным делом на городском рынке — люди неотёсанные и жадные до наживы. По какому-то недоразумению судьбы их безродная дочь подарила жизнь будущему сыну Неба. Однако, взойдя на трон, их державный внук не спешил жаловать родне чины и поместья. Разумеется, Чэнь-сродники исходили злобой от такой несправедливости, но перечить императорской воле открыто трусили.

Теперь же судьба сама преподнесла им великолепный предлог. Их дочь пожертвовала жизнью ради спасения государя — её материнский подвиг заслуживал вечной памяти! И пускай император позабыл о живых родственниках, но предать забвению память о той, кто подарила ему жизнь, он не имел права.

Вэнь Кэ, неужто у тебя нет сердца?

Узнав о проделке младшего соученика, Цзян Чжиуэй чуть не лишился чувств. Он принялся умолять Чи Нина вести себя осмотрительнее и не баловаться с огнём. В отчаянии он даже пригрозил отправить письмо их второму соученику, Юй Синчую, дабы тот приструнил сорванца.

Однако Чи Нина эти угрозы нисколько не пугали.

Земли Шу лежали слишком далеко от столицы. Пока письмо дойдёт до Юй Синчуя, пока тот соберётся с мыслями и пришлёт ответ, Чи Нин уже успеет завершить все свои дела.

Ответ от историографа Су пришёл удивительно быстро — он просил господина Чи о срочной встрече за пределами дворца.

С тех пор как Чи Нин взял в свои руки устройство выборов, он оборвал все связи со своими названными сыновьями и велел им вести себя так, будто он всё ещё пребывает в Цзянцзо, дабы уберечь их от лишних подозрений во взяточничестве.

Взоры многих недоброжелателей были устремлены на него, и любая невинная подножка могла быть истолкована как попытка подкупа в деле отбора невест.

Без крайней нужды он не стал бы рисковать и подставляться под удар.

И пускай Императорская школа евнухов, где преподавал Су Лу, находилась по соседству с Дирекцией дворцового хозяйства, они не виделись уже много дней. Лишь сейчас, испытывая нужду в верном человеке, Чи Нин призвал к себе историографа Су, у которого как раз выдался свободный день.

Чи Нин предпочёл бы избавить прямодушного соученика от участия в столь тёмных делах, но Цзян Чжиуэй настоял на своём присутствии, дабы удержать безумца от глупостей.

Так они вдвоём выслушали доклад Су Лу. Как выяснилось, до его прихода в доме Чэней уже побывал безвестный гость, успевший изрядно разжечь их аппетиты.

Очевидно, это пламя раздували те же руки, что подбросили дерзкий доклад на императорский совет.

Семейство Чэнь не заставило себя долго ждать. По словам Су Лу, почтенная матушка Чэнь внезапно «слегла от недуга», явно пытаясь воззвать к совести державного внука.

Неотёсанные мясники не смыслили в дворцовых интригах и не ведали, сколь тяжка доля просвещённого государя. Они знали одно: нынешний император — их плоть и кровь. А раз сын стал владыкой Поднебесной, то и его покойной матери пристало именоваться вдовствующей императрицей. Всякий же, кто противился сему начинанию, объявлялся ими изменником и

врагом благочестия. С такими смутьянами разговор должен быть коротким.

Чи Нин даже испытал лёгкое разочарование от того, что его опередили, лишив возможности как следует разгуляться.

Цзян Чжиуэй, напротив, вздохнул с облегчением и, весело похлопав соученика по плечу, подмигнул ему:

— Вот и славно! Посиди смирно и не суй нос в чужую кашу. А выразить свою... преданность государю ты ещё успеешь, — осёкся он, вовремя прикусив язык при Су Лу.

Впрочем, в случае неудачи их визит к Чэням всегда можно было выставить как заботу о спокойствии монарха и пресечение смуты.

Именно в этот миг Чи Нин обратил внимание на фигуру Су Лу и с удивлением обнаружил, что на плечах того вновь клубится персиковая одержимость.

На этот раз алые нити казались куда ярче и отдавали густым, багровым оттенком крови.

«Вы же уверяли меня, будто съели эту гадость без остатка?!» — встревожился Чи Нин. Он-то полагал, что опасность миновала, однако изнурённый вид историографа говорил об обратном.

Юань нахмурился:

«Так и должно было случиться»

Подобная одержимость не отличалась ни умом, ни силой, и после поглощения не могла возродиться вновь. Самое странное — этот густой багровый цвет обычно накапливался годами, а не возникал за пару дней. И пускай божество ценило изысканный вкус этой скверны, питаться ею бесконечно он не намеревался.

«Для начала я очищу его разум от этой дряни»

Чи Нин поманил Су Лу поближе и лёгким движением руки развеял незримые алые лепестки. Однако отпускать юношу не спешил, принявшись дотошно расспрашивать его о каждом шаге за последние дни.

Столь странное возрождение персиковой одержимости подтверждало худшие опасения: за спиной Су Лу стоял невидимый кукловод, искусённый в тёмных искусствах.

Эту заразу следовало вырвать с корнем.

— В последние дни я почти не покидал школу и свой дом, разве что попытался обойти места, где бывал прежде, — признался Су Лу. Изнуряющая слабость вернулась к нему с новой силой, но, не желая обременять приёмного отца, занятого выбором невест для наследника, он решил провести собственное расследование и отыскать источник заразы.

— Ошибаешься, — покачал головой Чи Нин. — Проклятие настигло тебя без всякого посещения тех мест. Твои поиски завели тебя в тупик.

Цзян Чжиуэй лишь удивлённо переводил взгляд с одного на другого, ровным счётом ничего не понимая.

— Коль скоро речь зашла о любовных делах, я знаю одно верное местечко, — вставил он свои пять копеек. — Наша матушка даже порывалась сходить туда, дабы испросить для меня счастливый брак. Разумеется, я наотрез отказался. С моей-то... особенностью только о женитьбе и грезить! Смех один.

Как ни старался Су Лу сохранять бесстрастное выражение лица, от этих слов на его губах едва не промелькнула улыбка.

Почувствовав на себе выразительные взгляды старших, он тут же посерьёзnel и кивнул:

— Если почтенный наставник имеет в виду Храм Бога Бракосочетания на востоке столицы, то мне довелось слышать о нём. Место это действительно весьма странное.

— Чем же? — любопытно спросил Чи Нин.

— Да тем, что молитвы влюблённых там исполняются с поразительной точностью.

Глаза Чи Нина вспыхнули лукавым блеском:

— Неужто правда?

Будь это так, он бы немедленно отправился туда и испросил для государя целую сотню красных нитей судьбы, дабы опутать его с ног до головы!